

Говард Филлипс Лавкрафт

Фестиваль

(The Festival)

Я находился далеко от своего дома и прелесть восточного моря околдовала меня. В сумерках я слушал, как его волны разбиваются о прибрежные скалы. Я знал, что море расположено с другой стороны холма, где вербы протягивают свои узловатые ветви к небу и первым вечерним звездам. Предки позвали меня в древний город, и вот я продолжаю свой путь по глубокому свежему снегу, иду по дороге в сторону мерцающего среди ветвей деревьев Альдебарана. Я шел к древнему городу, которого я никогда не видел, но о котором часто мечтал.

Наступал праздник Юлетида, который сейчас люди называют Рождеством, сознавая в глубине своего сердца, что этот ритуал более древний чем Вифлеем и Вавилон, чем Мемфис и все человечество. Итак, был Юлетид, и я, наконец, очутился перед древним городом на берегу моря, в котором жили мои предки и в котором они собирались на фестиваль в те времена, когда это было запрещено. И своим детям они завещали не забывать о фестивале один раз в году: память об античных тайнах не должна исчезнуть. Мои предки были представителями древнего народа, который считался таковым уже в период колонизации этой страны триста лет назад. Странные скрытные люди пришли из мест, где росли опийные сады, благоухали орхидеи. Сейчас они разбрелись по свету, совершают таинственные ритуалы, понять смысл которых уже никто не может.

Я единственный вернулся в старый город рыбаков, чтобы принять участие в фестивале, как того требует обычай. Лишь бедные и одинокие обладают роскошью помнить.

С другой стороны холма я увидел занесенный снегом, покрытый изморозью Кингспорт: со старыми флюгерами, колокольнями, кровлями, трубами, набережными и небольшими мостами, вербами и кладбищами. Нескончаемые лабиринты крутых, узких, извилистых улиц, головокругительной высоты церковь, которую время не осмелилось повредить, нескончаемые вереницы домов, нагроможденных и разбросанных на всех уровнях, словно игрушечные кубики.

Время царит, раскинув седые крылья над белоснежными вершинами, крышами, маленькими квадратными окнами, светящимися в ледяных сумерках.

В стороне от дороги на вершине холма, продуваемого ветром, находилось кладбище, и надгробные камни взметнулись из снега вверх подобно разлагающимся ногтям конечностей гигантского трупа. Дорога была пустынной, без единого человеческого следа на ней, и мне казалось, будто я слышу жуткий скрип, подобный тому, что издает на ветру виселица. Четыре члена моей семьи, обвиненные в колдовстве, были повешены в этом городе в 1612 году, но я не знал точно в каком месте. Извилистая дорога спускалась вниз по холму к морю. Я напряг слух, пытаюсь уловить в вечернем воздухе радостные голоса деревни, но ни единый звук не доносился оттуда. Тоща я сказал себе, что у этого

древнего пуританского народа, видимо, свои особые рождественские традиции, и, может быть, люди молча молятся в углу у огня. Поэтому я больше не пытался уловить это веселья.

Я продолжил свой путь, миновав плохо освещенные фермы за каменными стенами, до того места, где под порывами соленого ветра скрипели вывески маленьких магазинчиков и таверн, где дверные молотки тускло мерцали на пустынных улицах. Когда-то я видел карты города и знал, где находилось жилище моей семьи. Мне сказали, что меня узнают, и что я всегда буду желанным гостем: ведь у легенды долгая память. Поэтому я быстро прошел по покрытым снегом каменным плитам Бок-стрит до Сиркл-курт, до перекрестка, где Грин-лэйн встречается с Марк-хауз. Старые карты уверенно вели меня, и я шел без остановок. В Аркаме мне солгали, сказав, что сюда можно добраться троллейбусом, - над моей головой не тянулось ни одного провода.

Я был счастлив, что решил идти пешком, так как вид холма и покрытого снегом городка казался мне великолепным, и сейчас мне не терпелось поскорее постучать в дверь жилища моих предков, в седьмой дом по левой стороне Грин-лэйн, трехэтажный особняк с остроконечной крышей, построенный еще до 1650 года.

Добравшись до него, я увидел, что внутри горит свет. А поглядев на ромбовидные стекла, заключил, что дом мало изменился со времени своей постройки. Верхняя его часть нависала над узкой улочкой и почти касалась дома, стоящего напротив, и поэтому казалось, что находишься в тоннеле. Тротуара не было, зато у многих домов входные двери высоко поднимались над землей, и добраться до них можно было лишь по лестнице с металлическими перилами. Пейзаж был любопытным. Он нравился мне, хотя я чувствовал бы себя лучше, если бы на снегу были следы, на улицах - люди, а на окнах не было задернутых штор.

Постучав в дверь с помощью старинного железного молотка, я испугался. Страх вошел в меня неожиданно и усиливался из-за странностей моего прошлого, молчаливого вечера и зловещей тишины, царящей в этом старом городе. Когда на мой стук ответили, страх полностью овладел мною, так как я не слышал шагов за дверью перед тем, как она со скрипом отворилась.

На пороге стоял старик в ночной рубашке и тапочках, его невыразительное лицо меня немного успокоило. Старик знаками дал мне понять, что он немой. На восковой табличке с помощью стилета он нацарапал выдержанное в старинном стиле приглашение войти в дом.

Он провел меня в слабоосвещенную свечами комнату, меблированную в духе XVII века. Тени прошлого царили здесь. В комнате находился огромный очаг, у которого сидела старая женщина в чепце, с шалью на плечах, и молча пряла. Здесь было очень сыро, и я удивился, почему до сих пор не зажигают огонь. Скамья с высокой спинкой стояла напротив окон с задернутыми шторами, и мне показалось, что она занята, хотя уверенности в этом не было. Мне не понравилось все, что я увидел, и я опять испугался. Этот страх усилился при виде выражения лиц хозяев. Их глаза не двигались, а кожа была похожа на воск. Вскоре я решил, что это не лица, а искусно сделанные маски. Вялые руки старика в перчатках написали несколько слов на табличке: мне нужно было еще немного

подождать и меня отведут на место проведения фестиваля. Указав мне на стул, стол и кипу книг, старик покинул комнату. Я присел и увидел, что среди покрытых плесенью томов были "Merveilles de la science" старого Мористера, жуткий "Saducismus Triumphatus" Джозефа Грэнвила, опубликованный в 1681 году, ужасная "Doemonolatreia" Ремигиуса, изданная в 1595 году в Лионе, а также чудовищный "Necronomicon", книга, которую я никогда не читал, но о которой слышал страшные вещи. Никто не разговаривал со мной, я слышал лишь завывание ветра снаружи и шепот старой женщины, склонившейся над прялкой. Она все прядла, прядла...

Я нашел комнату, книги, зловещих и страшных людей, но так как древняя традиция моих предков обязывала меня принять участие в странном праздновании, я решил дожидаться дальнейших событий. Я попробовал читать и вскоре был поглощен тем, что содержалось в проклятой книге "Necronomicon". Мне открылись мысли и легенды, слишком ужасные для здравого ума. Вдруг мне показалось, будто в комнате закрылось окно, как если бы до этого оно было незаметно открыто. Перед этим я услышал какой-то звук, походивший на скрип прялки. В это время зазвонили старинные настенные часы. После этого я потерял ощущение, будто кто-то сидит на скамье и продолжал чтение до тех пор, пока не возвратился старик. Он был обут и одет в широкий старинный костюм. Старик сел на скамью таким образом, чтобы я не мог его видеть. Ожидание становилось слишком для меня тягостным, и богохульственная книга, лежавшая передо мной, лишь усиливала напряжение. Когда пробило одиннадцать, старик поднялся, открыл необъятный резной комод и извлек две накидки с капюшоном. Одну он одел сам, а другую протянул своей супруге, прекратившей монотонную работу. Затем они вместе направились к двери. Женщина хромала. Захватив "Necronomicon" и надвинув капюшон на лицо - или на свою непроницаемую маску, хозяин дома пригласил меня следовать за ним.

Мы вышли в безлунную ночь, на извилистую улицу древнего города. Освещенные окна с задернутыми шторами гасли одно за другим, и созвездие Пса отбрасывало свой холодный свет на многочисленные закутанные в плащи силуэты, которые выходили из домов и присоединялись к жуткой процессии. Она двигалась по мрачным улицам, где стояли полуразрушенные дома. Множество качающихся фонарей напоминали странное созвездие.

Среди этой молчаливой толпы я следовал за своими немymi гидами, подталкиваемый почему-то мокрыми локтями, сдавленный телами, казавшимися обрюзгшими. Но я не мог разглядеть ни одного лица и не слышал ни одного слова.

Я заметил, что паломники направляются в центр города, где сходятся все улицы и где стоит большая белая церковь. Я уже видел ее в темноте, проходя по дороге, и ее вид вызвал у меня страх. Причиной этого был Альдебаран, мерцавший в небе над призрачной колокольней. С одной стороны церкви, стоявшей на открытом месте, были могилы, а с другой - мощный сквер, по которому ветер гонял снежные хлопья, и выстроившиеся в линию старинные дома устрашающего вида.

Сумасшедшие огни плясали на могилах, создавая какие-то жуткие образы, но, что любопытно, они не давали тени. За кладбищем не было домов и я мог разглядеть вершину холма и мерцающие звезды на небе, город же оставался невидимым в темноте. Только фонарь один раз мелькнул на кривых улочках, осветив толпу, которая молча шла к церкви. Я подождал, пока все исчезнут в проеме, включая и отставших. Старик потянул меня за рукав, и я решил войти. Переступив порог и проникнув в переполненный скорбный храм, я оглянулся еще раз, чтобы посмотреть, все ли собрались. А фосфоресцирующий свет кладбища отбрасывал мерцающие блики на каменные плиты на вершине холма.

Меня охватила дрожь. Ветер намел еще немного снега на плиты, ведущие к входной двери, но бросив туда быстрый взгляд, я не обнаружил ни одного человеческого следа. Даже моих следов там не было.

Церковь еле освещалась фонарями, так как большая часть толпы уже покидала ее, протянувшись длинной лентой между скамеек до двери, ведущей в склеп и зиявшей прямо напротив кафедры. Толпа бесшумно исчезала там. Я покорно спустился по стертым ступенькам и очутился в душном и темном склепе. Вид этой ночной извилистой процессии, добровольно исчезающей в могиле, был поистине ужасен." Потом я заметил, что внутри могилы находилось отверстие, через которое выходили люди. Мгновенье спустя мы уже спускались по плохо отесанным ступеням каменной спиральной лестницы, узкой, сырой, где царил особенно сильный запах. Лестница уходила далеко вглубь, в самые недра земли. Это был ужасный спуск. В какой-то момент я заметил, что вид и форма стен и ступеней изменились, как будто они были высечены из скалы. Но что удивляло меня больше всего, так это то, что эти шаги массы людей не производили никакого шума и не возникало эха. После утомительного спуска я увидел переходы и какие-то норы по бокам, неизвестно откуда тянувшиеся и сходящиеся в этом таинственном колодце. Их было очень много, они таили в себе непонятную угрозу, а сильный запах разложения стал вскоре совсем невыносимым. Я знал, что мы должны были миновать гору и находиться теперь под самым Кингспортом.

Затем я увидел дрожащий свет, испускаемый бледным фонарем, и услышал тихое погребальное журчание пока еще не видимой воды. Я снова вздрогнул - события этой ночи измучили меня.

Я начал уже сожалеть о том, что мои предки пригласили меня принять участие в этом примитивном ритуале. По мере того, как ступени расширялись, я услышал и другой звук - слабую плачущую флейту, - тотчас передо мной открылась безграничная картина подземного мира. Широкое грязное побережье, поросшее огромными грибами, освещенное колонной, на вершине которой плясали языки зеленоватого пламени, омывала большая маслянистая река, исходящая из непонятной ужасной бездны и впадающая в самый темный залив древнего океана. Задыхаясь, я созерцал гигантские грибы, пламенеющую гниль и отвратительно грязную воду; я видел, что закутанные в накидки люди образовали полукруг перед горящей колонной. Это был обряд Юлетида, более древний, чем человечество, ритуал солнцестояния и приглашения весны после таяния снегов, ритуал огня, вечнозеленых деревьев, света и музыки. В этом подземном колодце я видел их, исполняющих этот обряд, обожествляющих пылающую колонну,

бросающих в огонь пригоршни каких-то растений, придающих пламени хлорно-зеленый оттенок. Я увидел что-то аморфное, скрюченное в стороне от света, шумно дышащее в свою флейту, и мне показалось, будто я слышу приглушенное хлопанье крыльев в зловонной темноте, где ничего невозможно было разобрать. Но что меня ужаснуло больше всего, так это горящая колонна, возвышающаяся из бездонной глубины, огонь которой не давал никакой тени. Стекловидные камни вокруг нее были покрыты ядовитой окисью меди. Пламя не давало тепла, а источало лишь вязкий дух смерти и разложения. Человек, приведший меня сюда, сейчас извивался перед этим сверхъестественным пламенем. Он делал церемониальные жесты в сторону полукруга людей, к которым стоял лицом. Затем он почтительно пал ниц, держа над головой ужасный "Necronomicon", который принес с собой. Я также опустился на землю, так как голос моих предков приказывал мне принять участие в церемониале. Затем старик сделал знак еле видимому в темноте флейтисту, который сменил мелодию, и начал исполнять другую, вызывавшую какой-то неожиданный страх.

Потрясенный я рухнул на покрытую плесенью землю, пронзенный каким-то неземным ужасом, который мог родиться лишь в бездумном пространстве звездного неба. Из невысказанного мрака, царящего по ту сторону яркого гигантского огня, из самой глубины Тартара, откуда вытекала описанная выше маслянистая река, вдруг примчалась целая орда крылатых существ, прирученных гибридов, вообразить о существовании которых мог лишь человек с большим воображением. Это не были ни вороны, ни кроты, ни грифы, ни муравьи, ни упыри и не разлагающиеся человеческие существа.. Но что-то, о чем я не могу, но должен помнить. Хромая, "они" приближались, одни с перепончатыми крыльями, другие с такими же лапами. Когда они подползли к толпе, участники ритуала, завернутые в накидки с капюшонами, оседлали их и один за другим умчались в направлении неосвященной части реки, в бездну и галереи страха, где низвергаются ядовитые водопады.

Пожилая женщина исчезла вместе с толпой, старик остался и, когда я отказался оседлать животное, приказал мне сделать это. Поднявшись на ноги, я увидел, что меланхоличный флейтист исчез, но два монстра терпеливо стояли в ожидании.

Я отказывался двигаться, и тогда старик вытащил стилет и табличку и написал на ней, что он действительно является посланцем моих предков. Он создал культ Юля в этом древнем уголке. Он объявил, что передо мною откроются самые сокровенные тайны и я вернусь. Старик написал все это старинными буквами и, видя мое колебание, достал из кармана печать и часы с гербом моей семьи, чтобы доказать, кем он был. И это ужаснуло меня, так как из старых документов я знал, что часы были захоронены вместе с одним из моих предков в 1698 году. Старик также откинул с лица капюшон, чтобы я смог заметить его сходство с моими предками, но я лишь дрожал, так как был уверен, что это лицо лишь дьявольская восковая маска. Животные нетерпеливо скребли покрытую плесенью землю, а старик был сильно возбужден. Когда одно из существ, переваливаясь с боку на бок, хотело уйти, он резко повернулся, чтобы остановить его. Произошло это так быстро, что восковая маска упала с его лица. Этот кошмар затмил все ужасы, виденные мною во время спуска по каменной лестнице, и я бросился в масляную реку, которая, пузырясь, текла к морю. Я бросился в гниющий сок земли прежде, чем мои исступленные крики привлекли ко мне гряды трупов из зловонных глубин земли.

В больнице мне сказали, будто на рассвете меня, наполовину обмороженного, нашли в заливе порта Кингспорт, вцепившегося в обломок мачты, который Его Величество Случай любезно предоставил мне на пути. Предполагали, что я сбился с дороги на холме предыдущей ночью и упал с обрывистого берега в Орандж Пойнт.

Я не мог ничего сказать, потому что все это было не правдой. Все было ложью: широкие окна, из которых можно увидеть множество крыш, и лишь пятая часть из них были старыми, шум троллейбусов и машин на улицах. Мне настойчиво повторяли, что там находится Кингспорт, и я не мог это отрицать. Я пришел в неистовство, услышав, что больница стоит рядом со старым кладбищем. Меня перевели в госпиталь Сент-Мэри в Аркаме, где за мной могли лучше ухаживать. Я чувствовал себя неплохо, доктора были хорошими специалистами. Используя все свое влияние, они добыли мне экземпляр редкого "Necronomicon". Они говорили о "психозе", а я был убежден, что эта книга лучше всего поможет мне избавиться от навязчивых мыслей.

Я прочитал эту жуткую главу и вторично задрожал, так как в действительности она не была для меня новой. Я уже читал ее и для меня было бы лучше забыть то, что я видел. Мои сны заполнены страхом из-за фраз, которые я не могу произнести.

Я процитирую лишь один абзац, переведенный мной на английский язык с поздней латыни: "Самые глубокие пещеры, - писал безумный Араб, автор "Necronomicon", - не могут быть замечены глазами, которые видят, так как они таят в себе непонятные и ужасающие чудеса. Будь проклята та земля, где мертвые мысли оживают, принимая странные формы, и да будет осужден на муки ум, не содержащий в себе мысли. Ибн Стакабао очень верно сказал, что счастлива будет та могила, в которой не покоится колдун, и счастлив будет город, колдуны которого сожжены дотла. Ведь всем известно, что душа того, кто продался дьяволу, выходит из своего глиняного оссуария и порождает, и вскармливает червя, который грызет ее до тех пор, пока из тлена не брызнет жизнь. Трупного яда земли становится все больше. Огромные дыры втайне появляются там, где и без того достаточно земных пор, и существа, рожденные ползать, учатся ходить..."

Перевод: А. Мороз, Г. Кот

1992 год